

Надежда Александровна НИКУЛИНА¹

УДК 930.2 (2)

**ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ
В РАССТРЕЛЬНОМ ДНЕВНИКЕ АНДРЕЯ АРЖИЛОВСКОГО:
МОТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ОСНОВЫ
ЭГО-ДОКУМЕНТА**

¹ кандидат филологических наук, доцент
кафедры межкультурной коммуникации,
Тюменский индустриальный университет
nadya-nika2006@yandex.ru

Аннотация

В статье предлагается результат осмысления особенностей воплощения временной парадигмы (прошлое — настоящее — будущее) в личном дневнике при помощи мотивного анализа. Объектом внимания стали свидетельства, человеком, не сумевшим вписать свои представления о мире в идеологическую матрицу советской России, а значит, и темпоральная основа его дневникового текста является специфической и даже симптоматичной для подобных ситуаций письма. История Андрея Степановича Аржиловского (1885-1937) — пример судьбы человека, сформировавшегося как личность в дореволюционную эпоху, но в период постреволюционных преобразований оказавшегося в числе врагов народа. В 1920 году он был осужден в первый раз за участие в работе земского совета при Колчаке, а в 1929 году как мироед. В период жизни на свободе (после семи лет лагерей) — чуть более года — вел дневник, фиксируя там бытовые наблюдения, сомнения по поводу нового установившегося в стране уклада жизни, переживания относительно воспитания детей, размышления о движении времени и судьбах человечества, описания своих сновидений и высказывания о прочитанных книгах и известных людях. Важными мотивами этого эго-документа являются «время», «память», «письмо (писательство)» и некоторые другие мотивы

Цитирование: Никулина Н. А. Прошлое, настоящее и будущее в расстрельном дневнике Андрея Аржиловского: мотивный анализ темпоральной основы эго-документа / Н. А. Никулина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 163-179.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-163-179

(«погода», «еда», «тепло» и т. д.), иллюстрирующие мировоззренческие установки людей, не всегда согласных с преобразованиями, происходящими в России. Именно мотивный анализ этого эго-документа позволяет выйти к изучению актуальных проблем антропологии и литературоведения, где история жизни и личный дневник Андрея Степановича Аржиловского — уникальный источник для осмысления универсальных стратегий письма, характерных для российской жизни начала XX века и не утративших актуальность спустя многие десятилетия.

Ключевые слова

Эго-документ, темпоральность, личный дневник, Андрей Степанович Аржиловский, человек и государство, мотивный анализ, мотив времени, мотив памяти.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-163-179

Введение

Изучение документов личного происхождения («эго-документов») по естественным обстоятельствам связано с познанием временных координат жизни человека, которые в перспективе поиска ответов на актуальные вопросы различных наук получают различную интерпретацию. В исторических исследованиях интерес к источникам такого рода специалисты связывают с так называемым «лингвистическим переворотом», который состоит в практике применения методов филологического знания к решению проблем, которые раньше являлись собственно историческими. По словам Н. М. Филатовой, в настоящее время «лингвистический поворот» — это общее понятие, «применяемое к развитию совокупности гуманитарных наук, в частности к философии, социологии XX века, и связанное с переосмыслением в них роли языка, а в конечном итоге — с антропологизацией науки в целом» [11, с. 25]. Мы помним о том, что еще десять лет назад личные документы являлись объектом научного внимания преимущественно литературоведов, тщательно прописывающих специфику жанровых форм и включающих их в историко-биографические исследования.

Сегодня общим местом в гуманитарной науке стала междисциплинарность, позволяющая историкам и филологам выйти к проблемам памяти, исторической семантики, семиотике, стратегиям выживания и т. д. Научную продуктивность сближения наук отмечают многие исследователи и связывают с переоценкой представлений о субъективности, которая в классические времена науки воспринималась как изъясн [8]. Кроме того, по словам Л. П. Репиной, именно субъективность, присущая эго-документам, позволяет распознать культурно-историческую специфичность конкретного времени, т. е. «текст, который „искажает информацию о действительности“, не перестает быть историческим источником, даже когда проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций» [10, с. 96].

Таким образом, в изучении эго-документов филологи все чаще обращаются к текстам, созданным не профессиональными литераторами, а обычными

людьми, способными к писательству, историки же, пытаясь разгадать логику событий прошлого, заинтересованно вглядываются в личные документы людей, обращают внимание на слово, психологические аспекты письма и т. д. По мнению М. Ф. Румянцевой, в настоящее время «формируется «особое понятие эго-истории как самостоятельного предметного поля» [9, с. 34], что не может не восприниматься нами как важный аргумент в пользу актуальности и нашей работы.

Подход к изучению эго-документа через категорию мотива по своей сути является изначально междисциплинарным, поскольку теория и практика мотивного анализа основывается на методах интерпретации текстов известных психоаналитиков и одновременно литературоведов. Напомним, что именно мотив становится популярной категорией литературоведческих исследований с появлением мотивного анализа Б. М. Гаспарова. Впоследствии, при определяющей роли категории мотив в практике мотивного анализа произошло становление таких понятий, как «мотивный узел», «мотивный комплекс», «мотивная структура». Следуя за Б. М. Гаспаровым, мы считаем, что в роли мотива может выступать любое, как он говорит, смысловое «пятно», то есть любой элемент текста на уровне героя, сюжета, предметно-вещного мира и т. д. [2, с. 115]. В границах отдельного произведения мотивы комбинируются, образуя «комплексы», «узлы» (основанием для возникновения такого «узла» может стать, например, персонаж, его пространственно-временные границы, его действия, события жизни). Собственно временные мотивы могут изучаться, как и любые другие «повторы», в перспективе выхода на глобальные лейтмотивы судьбы человека или даже лейтмотивы конкретного исторического времени.

Почти всякий личный дневник содержит темпоральные координаты, что обусловлено жанровой спецификой формы, привязанность этого вида письма к конкретному дню и к конкретным обстоятельствам жизни. Напомним, что прообразом личного дневника являлись семейные летописи второй половины XVII в., а «осознание необходимости вести личные подневные записи формировалось на фоне социальных, политических и культурных преобразований Петра I, которые прямо и косвенно затрагивали все сословия российского общества» [4, с. 78]. К концу уже следующего столетия складывается другая важная миссия личного дневника: описывать переживания автора, что превращает его в средство самопознания и познания жизни. К середине XIX в. такое назначение дневников окончательно усваивается обществом, о чем пишет исследователь Н. Я. Эйдельман, фиксируя появление в жанровом каноне дневника важной координаты повествования, связывающей настоящее и будущее [13, с. 53-54]. При этом внимание к событиям прошлого, традиционное для мемуаров, воспоминаний и других родственных личному дневнику жанровых форм, проникает и в дневниковые записи, поскольку является частью живого опыта всякого человека. Как правило, прошлое становится лейтмотивным основанием для проекции будущего и опорой для оценок текущих событий, которые в жанре личного дневника составляют доминанту повествования.

Следует сказать, что в начале XX в. личный дневник — это не только инструмент фиксации текущей жизни и самопознания, но и возможный источник проблем в жизни человека, способного к писательству и наделенного критическим умом. В исследовании Й. Хельбека, посвященном дневникам сталинской эпохи, по этому поводу представлено множество свидетельств, а также замечаний, иллюстрирующих специфику развития жанра в 30-е гг. В частности, он пишет о том, что в годы сталинского правления, с одной стороны, популярность личного дневника выросла, поскольку большевики «не только пытались создать новый мир, но и хотели превратить людей в политически сознательных граждан», а «обстановка страха и недоверия не стала препятствием для развития жанра личного дневника»; с другой стороны, возможность вести личный дневник нередко оценивалась как знак свободы с сопутствующей тенденцией «жечь дневники» [12, с. 18]. В случае с Андреем Степановичем Аржиловским (1885-1937) именно не сожженный личный дневник станет официальным основанием для последнего ареста и последующего расстрела [3], а созданный им эго-документ войдет в число источников «истории сталинизма» [7].

Темпоральные координаты свидетельств, представленных в личном дневнике, могут быть изучены на основании междисциплинарного подхода и стать основанием для размышлений, с одной стороны, о проблемах выживания человека в конкретных исторических условиях, а с другой стороны, могут позволить выйти на содержательное осмысление эго-документа как явления, имеющего отношения к творчеству и художественной рефлексии.

Методы

Методология исследования формируется на основе опыта изучения эго-документов под углом антропологического интереса к феномену исторической памяти и к стратегиям выживания человека в условиях тоталитарного государства, т. е. в русле исторической науки, предполагающей источниковедческий анализ документов, реконструкцию событий, сопутствующих созданию исследуемого текста и т. д. Выход на семиотику переживаний людей, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах, но способных к творчеству, осуществляется в настоящей работе при помощи методов мотивного анализа, широко используемого в филологической науке. В перспективе изучения мотивов времени открывается возможность не только описать жанровый потенциал личного дневника, но «оживить» и актуализировать события жизни и мысли человека, достойные внимания читателей настоящего издания.

Результаты исследования и их обсуждение

В 1936 году, после освобождения из Темниковского исправительно-трудового лагеря системы ГУЛАГ ОГПУ Андрей Степанович Аржиловский вернулся к своей семье в город Тюмень и примерно через полгода в амбарной тетради сделал следующую дневниковую запись: «В силу старой привычки — не могу себе отказать в зарисовывании мыслей и переживаний. На обрывках после бури

хочется кой что восстановить в памяти и зарисовать то, что успею» (28 октября 1936 г.)¹. В момент написания этих строк автору дневника кажется, что определенный этап жизни остался позади, что годы мытарств по лагерям после процесса 1929 года — это прошлое, абсурдное и трагическое [6], но все-таки прошлое. Соответственно, уже в первых дневниковых записях формируется мотивный комплекс временных координат, констатирующих начало нового жизненного этапа, а установка «вспомнить» является важной приметой мотивного комплекса: память — прошлое — время, старая/новая жизнь и др.

Заметим, что «зарисование мыслей и переживаний» для Аржиловского — это, действительно, его «старая привычка», которая сформировалась в силу таланта, склада натуры, уклада жизни и проявлялась в периодических попытках писать в газеты, даже с учетом особого положения (бывший заключенный): «Пишу в «Крестьянскую газету» и думаю послать. Начинать же я с «Сельского вестника» в 1906 г. Дело не в этом. Целью жизни литературу я не ставлю; хотя, пожалуй, на этом поприще мог бы сделать больше, чем где-нибудь» (18 ноября 1936 г.). Более того, он даже критикует саму публикационную политику советских печатных органов: «Между прочим: газеты очень мало уделяют внимания хронике событий; получается впечатление, будто жизнь идет по регламенту, без всяких приключений. На самом деле конечно не так. Вообще-то за всю революцию жизнь мало освещается в повседневной печати, или освещается одна сторона» (20 ноября 1936 г.). О попытках писать в местную газету и о сопутствующих проблемах Аржиловский пишет на страницах личного дневника неоднократно: «Сегодня послал маленькую заметку в местную газету о заводских безобразиях, — не вытерпел, больно уже нахальны жулики» (16 февраля 1937 г.); «Опять послал в редакцию едкий материал о заводе. Допрыгаюсь я когда-нибудь: сочтут клеветой на порядочных людей. Кажется, благоразумней совсем замолчать. Но ведь как чесотка: не терпится. Что будешь делать?» (9 мая 1937 г.).

Возможно, некоторым современным читателям такое речевое поведение автора дневника покажется неразумным, но привычка к активному участию в событиях окружающей жизни является обычной склонностью некоторых людей, а представление об авторитете записанного и тем более напечатанного слова закрепится в российском обществе на долгие десятилетия. Быть напечатанным почти равняется тому, что быть услышанным — это уже дискурс печатного слова в России, участниками которого стали и журналисты, и издатели, и рядовые читатели. Примечательно, что посыл быть напечатанным имеет косвенную проекцию в будущее, поскольку в подобных критических публикациях кроется намерение повлиять на обстоятельства и на людей, скорректировать существующий порядок в направлении более разумных форм.

¹ Здесь и дальше личный дневник цитируется по: Аржиловский А. Дневник // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 4048, оп. 1, д. 2, лл. 16 — 52 об. Курсивом в цитатах из дневника даны фрагменты, подчеркнутые карандашом следователями НКВД после ареста автора.

«Не терпится» — сквозной мотив истории Андрея Аржиловского, ставший первопричиной многих проблем в жизни как его самого, так и его семьи. Условно такого человека можно назвать «пишущим», что никого не удивляет со времен начала письменности, но потребность письма и способность писать всегда оценивалась как дар и как фактор риска для того, кто начинает критиковать систему, не доволен представленными ей возможностями, кто вспоминает прошлое под углом, далеким от основного идеологического курса государства. Кроме того, это самое «не терпится» — маркер темпоральной составляющей позиции автора дневника, обнажающий рефлексию относительно прошлого и настоящего и настойчивое желание выхода в будущее.

На момент первой дневниковой записи Аржиловскому чуть больше 50 лет (в третьей записи от 30 октября напишет о своем 51-м дне рождения), что указывает на естественность установки говорить и писать о прошлом накануне личных дат и на исходе 50-летнего рубежа. Мотив памяти и мотив старения часто оказываются в том соседстве, которое стимулирует человека на ведение дневниковых записей, особенно если письму предшествуют особенные или трагические обстоятельства жизни. В случае с Аржиловским писательство дневника — это еще и некоторое подсознательное противостояние техникам подчинения. В потоке бытовых деталей с указанием цен на продукты, семейных проблем, рациона питания воспоминания о прошлом кажутся отдушиной и делом, от выполнения которого А. Аржиловский не может отказаться. Примечательно, что первая запись сохранившегося дневника от 28 октября 1928 года представляется как начало нового этапа эпистолярия после значительного перерыва, поскольку автор дает обоснование решения вести дневниковые записи и кратко обозначает условия своей жизни на данный момент: «Сию в новом доме на задах лесозавода «Красный Октябрь»; дом этот отдан во временное пользование моей семье взамен отобранного в Зырянке. Милостью Москвы я освобожден еще в мае и начинаю забывать лагерные мытарства...». За пределами дневника остался период с мая по конец октября 1936 года, наступивший после освобождения из лагеря. За это время Аржиловский и его семья смогли наладить совместное существование, и маркерами некоего порядка стали образы, совмещающие разные планы бытового потока с описаниями природы, погоды и т. д.: «После выпавшего небольшого снега — правда, стаявшего — установилась теплая погода. На небе полная луна; в городе весело мерцает электричество. Лиза на молококанке — место ее службы. Я жду вечернего сбора семьи и пишу воспоминания о лагерях». В этой фразе содержится указание еще на одну рукопись, которую начал писать Аржиловский в эти полгода с мая 1936 года до ареста. Эту вторую рукопись (в несколько амбарных листов) с воспоминаниями о жизни в лагере сам автор назовет емко и точно — «Голос бывшего человека» [3].

Мотивы памяти и письма реализуются здесь повсеместно как установка человека, не желающего забывать прошлое, что формирует мотивационное ядро многих эго-документов. В случае с записями Аржиловского все обстоит еще

серьезнее: почти все записи, посвященные прошлому, будут отмечены сотрудниками НКВД при изъятии, станут дополнительными аргументами обвинения по расстрельной статье. Например, следующие строки о престарелой матери, рассказывающей сказки своим внукам: «Сказку она рассказывает чудесную, хотя и явно невероятную: ребята жадно слушают. *Беречь, беречь надо эту старушку, послушаю сказки о старой России: немного уже остается людей, помнящих прежнюю жизнь*» (30 октября 1936 г.). Примечательно, что все подобные экскурсы в прошлое «попадут под карандаш». Возможно, причиной тому станет стремление следователей по делу А. С. Аржиловского продемонстрировать связь человека с прежним режимом, определить эту связку как склонность природы, а потому не подлежащую исправлению. Мы можем говорить даже о том, что в соответствии с требованиями идеологии в 1930-е гг. уже сложился советский шаблон правильной и неправильной презентации прошлого, позволяющий определять врагов народа.

Мотивы, определяющие координату прошлого, проговариваются в дневнике в неприкрытой оппозиции «старой России» и «новой России», дополняются мотивами сказки, сна и нередко презентуют автора документа как человека, склонного к критике и анализу.

Среди мотивов, формирующих само отношение между прошлым, настоящим и будущим, нередко выступает мотив времени. Рассуждения о времени встречаются в дневнике А. Аржиловского неоднократно. Например, в первых записях встречаем следующее размышление: «Сию минуту думал о том, как бешено идет время. И особенно нынче. Маятник наших ходиков с ума сошел: так и бежит, точно на базар за дешевой картошкой. *Раньше и маятник часовой важничал... Все по иному*» (31 октября 1936 г.). Время в дневниковых записях Аржиловского сначала «идет» и «шагает», потом «мчится», а последних записях уже «летит»: «Время так здорово шагает, что хоть держи его за хвост» (11 декабря 1936 г.); «Время идет замечательно быстро. Вот уже скоро половина января» (12 января 1937 г.); «Быстро время идет. Теперь часто кажется, что никогда я в лагере и не был, что просто сон снился; а между тем...» (2 февраля 1937 г.); «Время мчится, как легковой автомобиль» (5 марта 1937 г.); «Время-то как летит! Иногда даже жутко становится. А ведь мы и действительно всегда летим. Летим и живем. Бабочки и насекомые вообще даже любовь на лету творят. Пошли дожди и грозы. Начался сенокос под музыку дождей. Все идет своим порядком» (8 июля 1937 г.). Обозначенная закономерность ускорения времени — это сопутствующее наблюдение, свидетельствующее о некоторой сюжетности эго-документа, рассказывающего о последних месяцах жизни человека, наделенного литературным даром и потому способного предчувствовать свой трагический уход.

Настоящее — это повседневный опыт, целостное восприятие которого удастся вместить в жанре личного дневника не каждому пишущему человеку. В опыте Аржиловского формируется многоакурсный взгляд на настоящее: во-первых, это описания состояний в момент письма («около горячей печи

разморило меня и не хочется подниматься...»); во-вторых, рассказ о событиях ближайших дней («Три дня ходил только по поводу прописки...», «Вчера ходил в город...» и т. п.); в-третьих, это критическое осмысление общего уклада жизни, общественных настроений, и в этом смысле А. Аржиловский является публицистом со стажем, понимающим значения и даже последствия подобного опыта. Именно поэтому болевой точкой исследуемого нами эго-документа является сочетание ясности автора относительно последствий разоблачительных высказываний с навязчивым стремлением писать о недостатках системы честно и прямо. При этом опыт лагерной жизни диктовал Аржиловскому выбор стратегии осторожного поведения, о чем он неоднократно пишет на страницах дневника: «В жизни нашего поселка я совершенно не участвую и за это актив косится на меня. Жаль не купил газету. По старой памяти тянет к литературе: хочется писать и темы есть. Но как писать? Открой душу этим революционным мещанам, т. е. скажи, чем ты был — сейчас же сделают кислую рожу. Нет, уж видно будем молчать...» (30 октября 1936 г.).

Андрей Аржиловский неоднократно вспоминает в дневнике о своем журналистском опыте: писал и не мог не писать даже в лагери и сам однажды стал жертвой печатной кампании: «Печатная кампания против меня сильно ударила морально, я понял одно: мы прокляты до конца жизни и как бы ни перековался — тебе не поверят и при первой возможности заклюют и заплуют» (31 октября 1936 г.). Но неприятности публичной активности не останавливают Аржиловского, а образность его языка, едкие сравнения и прочие достоинства письма являлись свидетельством острого критичного ума и одновременно неизбежности трагической развязки. Примечательно, что в обвинительную копилку читателей из НКВД входят фрагменты текста дневника, посвященные не только критике настоящего, но и воспоминаниям о годах минувших, размышлениям о будущем семьи, страны, мира.

Примеры остроумных зарисовок мелькают на страницах личного дневника А. Аржиловского постоянно. Приведем наиболее интересные фрагменты с критикой режима. Например, о праздновании 7 ноября он написал следующее: «Получил пригласительный билет от завода на торжественное заседание. В 5 часов иду. Уютная столовая завода с крохотным красным уголком для президиума. Музыканты пришли аккуратно. Собралось десятка два ребятишек; пришла небольшая кучка работниц и 5 человек рабочих. Появились распорядители и занялись украшением столовой. Между прочим, *портреты вождей теперь устроены наподобие прежних икон: круглый портрет вделан в рамку и укреплен к палке*. Очень удобно: на плечо и пошел. И вся эта подготовка весьма напоминает подготовку к прежним церковным торжествам... Там были свои активисты, — здесь свои. Дороги разные — суета одна; эта значительно дороже...» (7 ноября 1936 г.). Следует заметить, что иногда очень едкие замечания о событиях общественной жизни остаются без специальных пометок, возможно, по причине включенности в общий «несоветский» тон повествования: «Кругом преступники! Несмотря на то, что не арестованы, что состоят в партии, что говорят о Стахановских методах

работы (а метод этот самый хищнический: имея много силы как можно больше сделать, чтобы как можно больше получить, чтобы иметь право презирать слабо-сильных и нежизнеспособных!) Прорабатывают Конституцию и т. д.» (11 февраля 1937 г.). Некоторые высказывания о советских порядках легко узнаваемы не только теми, кто жил при СССР, но сталкивался с российской бюрократической системой в последние десятилетия. Например, в течение нескольких месяцев Аржиловский пишет о трудностях получения паспорта: «*Всякий гражданин обязан иметь паспорт; но для того, чтобы его иметь, надо пройти целый ряд мытарств. Ходил я за паспортом несколько раз и получил только после упорной борьбы и длительного стояния*» (24 декабря 1936 г.). Актуально, из разряда обычных обывательских реплик звучат следующие строки: «*Думал о новой конституции, так нашумевшей на весь земной шар. А в чем дело? Какая собственно разница? Одна вывеска. Как было, так и будет. Хотя и тайно, но все равно единогласно. Живем среди изгнанных кулаков в кавычках. Перемены никакой: считают их полукрепостными, комендант командует, воспитатель покрикивает, председатель считает вправе стращать Севером. Нет, товарищи, трещину великую в русской земле никакой конституцией не замажешь и власти из рук завоевателя не выпустят...* Слова и разговоры» (11 декабря 1936 г.).

Но если факты общественной жизни, мелькая в дневнике, напоминают об историческом фоне, о событиях, происходящих за пределами Тюмени, в стране и даже в мире, то мотивами, именно формирующими дневниковый каркас, являются самые будничные наблюдения и замечания — о погоде, еде, одежде и т. д. Обычно подневное свидетельство Аржиловского начинается с описания погоды: «*После выпавшего небольшого снега — правда, стаявшего — установилась теплая погода. На небе полная луна; в городе весело мерцает электричество*» (28 октября 1936 г.); «*Подошел и Пушкинский Ноябрь, когда «с волчихой голодной выходит на дорогу волк», — а у нас все еще теплынь. Вчера ходил к Туре: хоть купайся. Можно вполне перепахивать живы, если б были. Вообще — Крым какой то. Перестройка*» (13 ноября 1936 г.); «*Замечательно: зимы нет и духу; тепло, изредка помачивает; — паши пашню и кончено. Впрочем, так было и в 1911 г. Куражится природа и устраивает свои фокусы. Жизнь идет своим порядком*» (17 ноября 1936 г.); «*Тепло и идет снежок. По приметам в июле должны быть дожди. Живем пока сносно: так еще можно жить*» (12 января 1937 г.).

Уже эти примеры являются указанием на несколько важных тенденций и даже проблем: во-первых, позволяют разглядеть в авторе человека, когда-то работавшего на земле, привыкшего сверять природный календарь с личными делами; во-вторых, напоминают об устойчивой примете эго-документов бытового происхождения — обязательно писать о погоде, запоминая по ней года и важные события. В частности, о традиции бытового советского письма, в котором после приветствий и вопросов к адресату относительно дел часто следовало замечание относительно погодных условий. Примечательно, что эта погодная составляющая до сих пор входит в число наиболее распространенных мотивов эго-документов, что писались и пишутся даже в наше время представителями старшего поколения.

Третья важная особенность погодной темы состоит в том, что по естественной логике жизни человека мысли о погоде связаны с сопутствующими мотивами еды (сытости, голода), тепла (устойчивые образы из тех лет — дрова, печь, теплая одежда и обувь) и здоровья. Примеры: «Кажется, направились зима: ветер повернул с востока и сыплет снег. Полагаю, что завтра поедут на санях. Надоела грязь; хотя у нас, на лугу, и хорошо было за дровами ходить. Ну, перестроимся под зиму» (19 ноября 1936 г.); «Резкий, холодный ветер. На небе полная, холодная луна. Едим какую то траву, которую Лиза приносит из молотанки; но вперемешку с хлебом и картошкой сходит. Зато мы стараемся обедать получше: варим кроликов с головами скотскими. Конечно все это суррогат и гадость; но если нам питаться посредственно — надо минимум 20 р. в день, а мы вдвоем получаем 8. Ну, ничего, после слаще будет» (28 ноября 1936 г.); «Морозы держатся. Умелое ухаживание за печами и хорошие дрова делают нашу жизнь сносной: в хате тепло» (8 декабря 1936 г.); «Тепло. Чуть-чуть подбавило снежку. Заминка с хлебом и мы немножко голодаем» (13 декабря 1936 г.); «Погода: тепло и снежок. Контузия моя беспокоит меньше, но факт остается фактом: что-то внутри повреждено потому, что все еще не могу двигаться свободно, по-старому» (15 января 1937 г.); «Ночью зима окончательно с ума сошла: дуло так, что в хате нашей стало холодно. Все предметы на полу настыли ужасно. Затопил обе печи, но нагревается туго. Ребята жмутся к печке. К утру погода стихла; ужасного ничего нет. Гудит хриплый гудок нашего завода, счастливая жизнь страны начинается» (2 февраля 1937 г.); «Мороз жестокий. Февральская луна, очевидно все будет такой суровой. Как бы и март не был таким же жестоким? В выходной шатался по городу. Смотрел на жирное мясо и дорогие пряники» (8 марта 1937 г.) — и т. д.

Нередко погода определяет настроение автора дневника, и, как правило, в таких записях он размышляет о будущем, мечтает о достатке и благополучии: «Погода потеплела; днем стало притаивать. Полнолуние. Луна всем хороша, но при ней плохо дрова воровать: видно далеко и поневоле трусишь. Приходится. Мысли от хутора никак не уходят: два-три года и прощай голод. Но пока конечно еще нельзя двигаться с места. Надо все обдумать и десять раз отрезать. (23 февраля 1937 г.). Безобидные на первый взгляд описания погоды в некоторых записях перерастают в откровенную критику системы: «После морозов потеплело. Вчера стоял в очередь за...брюшиной, но не хватило, трудящиеся разобрали... Человек в нашей стране дышит свободно, но и голодает тоже свободно, — в этом ему никто не мешает. Голодает и мерзнет» (11 декабря 1936 г.). Иные выходят в перспективу философского приятия проблем: «Пахнет скворцами, но по-моему, еще не настоящее тепло. В Благовещенье увидим, — день приметный. Возился с мокрым снегом и немного устал. Много ли теперь, старому, нужно? А в душе жив весь задор молодости, и жить хочется, и верится в лучшее» (29 марта 1937 г.); «Застыло основательно, дует с севера и идет снег большими хлопьями. Значит „Евдокия“ сама себя оправдывает: весна будет холодная. А приметы идут еще дальше: во-первых, на утренников холодно,

с ледком, во-вторых, пасха — 2 мая — должен быть примерно такой же день. Проверим. <...> Вчера беседовали о том что, несмотря на нашу бедность, мы все же не самые последние: есть более несчастные люди, есть больные, калеки, уроды и т. д. Даже так можно жить, как мы живем. *А разве мы не можем надеяться на лучшее? Можем и должны, потому что после бури всегда бывает хорошая погода. Так то. Нечего раскисать и ныть. Теперь уже многое от нас самих зависит. Вперед, смелее!*» (7 апреля 1937 г.). Последняя цитата ярко демонстрирует попытки утешить себя, которые знакомы многим людям, оказавшимся в непростых обстоятельствах, поскольку всегда можно найти человека, которому живется труднее, чем тебе. Отметка на этой записи сотрудниками НКВД может стать основанием для построения разных гипотез на тему того, что в этом высказывании могло смутить ответственных людей. Возможно, подобная фраза, вырванная из контекста, могла стать иллюстрацией к доказательствам о контрреволюционной деятельности человека, пострадавшего от системы и готового вернуться к прежней жизни.

Из описаний природы формируется еще одна яркая картинка с образом поезда: После легкого мороза сегодня опять теплее. На кустах много куржаку. Вчера ходил в контору здешней артели «Прогресс»: приглашают на работу. Почему то нет доверия к ним; надо присмотреться. Думал о быстро проходящей жизни и о том, что многим не удастся купить билета. Что такое, например литература? Своего рода станция, курортный пункт. Многие могли бы ехать, но не все успевают купить билеты. Подошел Горький — взял билет и покатил. Все говорят: «Вон Горький едет!», «Ах, какой он интересный!». А десятки и сотни таких же горьких остались у билетных касс с запасом слов и мысли только потому, что нет билетов. Жизнь — быстро мчащийся поезд. С билетом — едут, без билета стоят и смотрят. Когда-то и у меня был билет, и я мчался. А теперь ходим пешком: все очередь, билетов нет...» (21 января 1937 г.). В образе жизни-поезда особым образом встречаются прошлое, настоящее и будущее и одновременно формируется перспектива тупика личной истории с утратой надежды на продолжение.

Следует сказать, что в большей степени с будущим в этом эго-документе связаны записи, посвященные детям: А. С. Аржиловский часто пишет о своем беспокойстве относительно того, насколько его потомки развиты интеллектуально, именно для них он затевает ведение семейного журнала, в котором каждый член семьи оставляет свои размышления на различные актуальные темы жизни. Каким это будущее стало? Как сложилась судьба детей Аржиловского? — на эти и многие другие вопросы у нас ответов нет, поскольку потомки Андрея Степановича Аржиловского (три дочери и два сына) не стали известными людьми, и особых сведений об их судьбах в архивах отыскать не удалось. Мы знаем только то, что в 1988 году копия дневника Аржиловского была выдана по запросу его дочери Тамаре, которая на тот момент проживала в г. Тюмени.

Последней станет следующая дневниковая запись: «После несвоевременных холодов настало, наконец, тепло; сейчас прошел теплый дождь и погода

устанавливается грибная. Заколачиваю трудодни и ворчу на ребят за их нежизнеспособность. Ворчу я, конечно, зря: скромность моих ребят дороже хамства. *Но не заклевали бы эти ублюдки тихих ребят?! Живем впроголодь»* (27 июля 1937 г.). В левом верхнем углу этой страницы видна помета черными чернилами от руки: «Этот дневник изъят у меня при обыске, в нем сорок листов (40 л.). Аржиловский. 29/VIII-37 г.».

Дневник Андрея Степановича Аржиловского открывает читателям ситуацию, по своему наполнению универсальную, не привязанную к определенной эпохе и режиму: человек с аналитическим складом ума и литературным талантом описывает современную ему действительность, не гнушаясь темами, которые кому-то другому могли показаться опасными. Он анализирует достижения и недостатки складывающейся системы хозяйствования (как на своем предприятии, так и в целом в стране), он пишет прямо и честно о том, что думает относительно дискриминационно-репрессивной политики по отношению к отдельным социальным и национальным слоям населения и при этом умудряется говорить о личном, важном только для него (о своей семье, о детях и о возможностях их воспитания). Красочно изображено отношение «творцов социалистического строя» к религии, культуре, идеологии досоветской России, не менее красочно, — к социалистической собственности. Автор живо интересуется не только событиями в стране, но и международным положением: в дневниках выражено его отношение к войнам в Испании, Китае, здесь же он описывает свои сны (дневник содержит более десяти эпизодов, прямо или косвенно связанных со сном и сновидениями, но самым известным станет сон с участием И. В. Сталина [7]) и цены на продукты, разговоры в очереди за хлебом и ссоры родственников. Именно особый баланс между общим и личным, прошлым, настоящим и будущим определяет тот самый угол повествования, способный создать пространство свободы для человека, вернувшегося из лагеря и чудом избежавшего расстрела в 1926 году, но спустя почти 10 лет наказанного системой за неспособность молчать [5].

Заключение

Мотивный анализ дневниковых свидетельств Андрея Степановича Аржиловского позволил выйти к пониманию того, что актуализация в личных документах мотивов, связанных с осмыслением прошлого и настоящего (мотивы памяти, времени, оппозиция прежняя/новая жизнь и др.), в периоды активных общественных преобразований может стать источником реальных проблем для людей, способных к писательству.

Даже самые безобидные фрагменты дневника, отмеченные мотивами природы и погоды, в ситуации критического осмысления жизни становятся элементами, определяющими активную позицию личности в ее противостоянии системе. Бытовой план дневниковых описаний позволяет воссоздать не только условия жизни человека, оказавшегося на периферии социальных преобразований в стране, но и его выйти к осмыслению стратегий выживания (в бытовой

плоскости и в экзистенциальном измерении). Кроме того, мотивный анализ рукописи Аржиловского позволяет сформировать перспективные для антропологов, историков и филологов направления для изучения эго-документов подобного рода в перспективе реконструкции как индивидуальной истории, так и истории России.

В эпистолярных рецепциях любой эпохи обязательно присутствуют координаты прошлого, настоящего и будущего, формирующие базовые эпистемы осмысления опыта человеческой жизни, что обусловлено спецификой и историей жанровой формы. Личный дневник из трагических дней прошлого может стать свидетельством ушедшей эпохи, наполняющим наши знания о прошлом важными фактами и деталями. А в некоторых случаях явленное в дневнике прошлое и обозначенное будущее (уже наше настоящее) складываются в историю и может помочь в интерпретации самых актуальных событий современной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аржиловский А. Дневник / А. Аржиловский // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 4048, оп. 1, д. 2, лл. 16-52 об.
2. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX в. / Б. М. Гаспаров. Москва: Наука, 1994. 303 с.
3. Долгушина Е. Андрей Аржиловский: голос из прошлого / Е. Долгушина, Н. Никулина, В. Темплинг // Большое городище. 2018. № 4-5 (37-38). С. 192-216.
4. Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.
5. Никулина Н. А. От эго-документа начала XX столетия к универсалиям Российской жизни: история Андрея Аржиловского / Н. А. Никулина, В. Я. Темплинг // Технологос. 2019. № 3. С. 27-37.
6. Никулина Н. А. Письмо «рядового обывателя» А. С. Аржиловского: из эпистолярия времен Гражданской войны / Н. А. Никулина, В. Я. Темплинг // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.): Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Новосибирск, 18-20 ноября 2019 года. Редколлегия: В. И. Шишкин, Т. И. Морозова [и др.]. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2019. С. 446-453.
7. Паперно И. Сны сталинизма (сон как источник для истории сталинизма) / И. Паперно // НЛЮ. 2012. № 116. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/p18.html> (12.06.2010).
8. Репина Л. П. «Постмодернистский вызов» и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Новая историческая наука и социальная история. Изд. 2, испр. и доп. Москва, 2009. 320 с.
9. Румянцева М. Ф. Эго-история и эго-источники: соотношение понятий / М. Ф. Румянцева // История в эго-документах: Исследования и источники. Отв. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург, 2014. С. 32-41.

10. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) / Н. В. Суржикова // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6-14.
11. Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» / Н. М. Филатова // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым: Сборник научных трудов / Отв. редактор Н. М. Куренная. Москва: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24-40.
12. Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Й. Хелльбек; авторизов. пер. с англ С. Чичко; науч. ред. А. Щербинок. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.
13. Эйдельман Н. Я. Дневник гимназиста 1860-х гг. / Н. Я. Эйдельман // Археография и источниковедение Сибири: сб. ст. Новосибирск, 1975. С. 4-64.

Nadezhda A. NIKULINA¹

UDC 930.2 (2)

**PAST, PRESENT AND FUTURE IN THE EXECUTION DIARY
OF ANDREI ARZHILOVSKY: A MOTIVATIONAL ANALYSIS
OF THE TEMPORAL BASIS OF THE EGO-DOCUMENT**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Intercultural Communication,
Tyumen Industrial University
nadya-nika2006@yandex.ru

Abstract

The article proposes the result of understanding the features of the embodiment of the temporal paradigm (past — present — future) in a personal diary using motivational analysis. The object of attention was the evidence, the person who failed to fit his ideas about the world into the ideological matrix of Soviet Russia, which means that the temporal basis of his diary text is specific and even symptomatic for such writing situations. The story of Andrei Stepanovich Arzhilovsky (1885-1937) is an example of the fate of a person who was formed as a person in the pre-revolutionary era, but in the period of post-revolutionary transformations turned out to be among the enemies of the people. In 1920, he was convicted for the first time for participating in the work of the zemstvo council under Kolchak, and in 1929 as a wealthy peasant. During his life at large (after seven years in the camps) — just over a year — he kept a diary, recording everyday observations there, doubts about the new way of life established in the country, worries about raising children, thinking about the movement of time and the fate of mankind, describing his dreams and statements about books which he read and famous people. Important motives of this ego document are “time”, “memory”, “writing (authorship)” and some other motives (“weather”, “food”, “warmth” etc.), illustrating the worldview attitudes of people, who are not always agree with the transformations taking place in Russia. It is the motivational analysis of this ego-document that allows one to come to the study of topical

Citation: Nikulina N. A. 2021. “Past, Present and Future in the Execution Diary of Andrei Arzhilovsky: A Motivational Analysis of the Temporal Basis of the Ego-Document”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 163-179. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-163-179

problems of anthropology and literary criticism, where the life story and personal diary of Andrei Stepanovich Arzhilovsky is a unique source for understanding the universal writing strategies characteristic of Russian life at the beginning of the twentieth century and which have not lost their relevance after many decades.

Keywords

Ego-document, temporality, personal diary, Andrey Stepanovich Arzhilovsky, man and state, motivational analysis, motive of time, motive of memory.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-163-179

REFERENCES

1. Arzhilovsky A. "Diary". State Archives of the Socio-Political History of the Tyumen Region (GASPITO). F. 4048, op. 1, d.2, ll. 16-52 ob. [In Russian]
2. Gasparov B. M. 1994. Literary Leitmotifs: Essays on Russian Literature of the 20th century. Moscow: Nauka. 303 p. [In Russian]
3. Dolgushina E., Nikulina N., Templing V. 2018. "Andrey Arzhilovsky: a voice from the past". Big Settlement, no. 4-5 (37-38), pp. 192-216. [In Russian]
4. Danilevsky I. N., Dobrovolsky D. A., Kazakov R. B. et al. 2015. Source study: study guide. Edited by M. F. Rumyantseva. National Research University Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 685 p. [In Russian]
5. Nikulina N. A., Templing V. Ya. 2019. "From the ego-document of the early 20th century to the universals of Russian life: the story of Andrei Arzhilovsky". Technologos, no. 3, pp. 27-37. [In Russian]
6. Nikulina N. A., Templing V. Ya. 2019. "Letter from the 'ordinary man in the street' A. S. Arzhilovsky: from the epistolary of the Civil War". Civil War in the East of Russia (November 1917 — December 1922): Collection of Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation. Edited by V. I. Shishkin, T. I. Morozova et al. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publishing House. Pp. 446-453. [In Russian]
7. Paperno I. 2012. "Dreams of Stalinism (sleep as a source for the history of Stalinism)". UFO, no. 116. Accessed on 12 June 2010. <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/p18.html> [In Russian]
8. Repina L. P. 2009. "'Postmodern challenge' and the prospects for a new cultural and intellectual history". New Historical Science and Social History. Edition 2, corrected and added. Moscow. 320 p. [In Russian]
9. Rumyantseva M. F. 2014. "Ego-history and ego-sources: correlation of concepts". History in Ego Papers: Research and Sources. Edited by N. V. Surzhikova. Ekaterinburg. Pp. 32-41. [In Russian]
10. Surzhikova N. V. 2014. "Ego papers: intellectual fashion or conscious necessity? (instead of a preface)". History in Ego Papers: Research and Sources. Ekaterinburg. Pp. 6-14. [In Russian]

11. Filatova N. M. 2018. "Approaches to the study of ego-documents in modern historical science in the light of the 'linguistic turn'". Document and "Documentary" in Slavic Cultures: Between the Real and the Imaginary: Collection of Scientific Works. Edited by N. M. Kurennaya. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS. Pp. 24-40. [In Russian]
12. Hellbeck J. 2017. Revolution in the First Person: Diaries of the Stalinist Era. Translated from English by S. Chichko. Edited by A. Scherbinok. Moscow: New Literary Review. 424 p. [In Russian]
13. Eidelman N. Ya. 1975. "Diary of a schoolboy of the 1860s.". Archeography and Source Study of Siberia: Collection of Articles. Novosibirsk. Pp. 4-64. [In Russian]